

Images of the Industrial Frontier in the Context of the Energetics' Development in Eastern Siberia

Yuriy V. Ryabov (a) & Andrey A. Gruzdev (b)

(a) Krasnoyarsk State Agrarian University; Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia.

Email: ryabov.yu[at]gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0805-8517>

(b) Siberian Federal University. Krasnoyarsk, Russia. Email: agruzdev[at]sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7967-1205>

Received: 1 September 2023 | Revised: 3 December 2023 | Accepted: 17 December 2023

Abstract

The article focuses on the images of the industrial frontier in the context of hydropower development in Eastern Siberia during the Soviet period. Despite the rich experience domestic researchers have accumulated, they have overlooked several aspects of Eastern Siberia's industrial development. The article explores these images as depicted in Soviet literature, journalism, poetry, and fine art from the various periods. These depictions include the study and construction of the Angara and Yenisei cascade of hydroelectric power plants, reflecting the Soviet state's ideological attitudes.

The authors conclude that the images of the industrial frontier, while varying in character, shared many common features across different periods. Furthermore, the Soviet leadership used the creation of these multiple images to solve several important national tasks. These tasks ranged from attracting labor resources to Siberian construction sites to fully integrating the East Siberian region into the life of the Soviet state and society.

Teachers and students interested in the industrial development of Eastern Siberia in the twentieth century will find the article relevant.

Keywords

Energy Policy of the USSR; Hydroelectric Power Plants; Angarsk HPP Cascade; Yenisei HPP Cascade; Divnogorsk; Representation of Space

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образы индустриального фронта в контексте энергетического освоения территории Восточной Сибири

Рябов Юрий Владимирович (а), Груздев Андрей Александрович (б)

(а) Красноярский государственный аграрный университет; Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия. Email: [ryabov.yu\[at\]gmail.com](mailto:ryabov.yu[at]gmail.com)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0805-8517>

(б) Сибирский федеральный университет. Красноярск, Россия. Email: [agruzdev\[at\]sfu-kras.ru](mailto:agruzdev[at]sfu-kras.ru)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7967-1205>

Рукопись получена: 1 сентября 2023 | Пересмотрена: 3 декабря 2023 | Принята: 17 декабря 2023

Аннотация

Статья посвящена образам индустриального фронта в рамках гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в советский период. Несмотря на богатый опыт, накопленный отечественными исследователями, ряд аспектов индустриального освоения Восточной Сибири остается вне должного внимания. Через идеологические установки советского государства, советскую литературу, публицистику, поэзию, изобразительное искусство различных периодов, освещающих изучение водных ресурсов Ангары и Енисея, возведение Ангарского и Енисейского каскада ГЭС, рассматриваются образы гидроэнергетического освоения Восточной Сибири как индустриального фронта.

Авторы приходят к выводу, что образы индустриального фронта носили разный характер, имея при этом в различные периоды немало общих черт. Через создание различных образов гидроэнергетического освоения советскому руководству удалось решить целый ряд сложнейших задач государственной важности: от привлечения трудовых ресурсов на сибирские стройки до полноценного включения Восточно-Сибирского региона в жизнь советского государства и общества.

Статья предназначена для преподавателей и студентов, интересующихся вопросами индустриального освоения Восточной Сибири в XX в.

Ключевые слова

энергетическая политика СССР; гидроэлектростанции; Ангарский каскад ГЭС; Енисейский каскад ГЭС; Дивногорск; репрезентация пространства

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons "Attribution" \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Вышедший из горнила американской истории термин «фронтир» с 1990-х гг. пытается найти свое место и применение в трудах отечественных исследователей. Разработанная некогда Ф. Дж. Тёрнером для объяснения уникальности американского исторического опыта концепция фронта довольно скоро стала использоваться для попыток анализа тех или иных периодов истории других стран (Зубков, 2018), теряя при этом некоторые изначальные положения либо, напротив, становясь калькированием особенностей развития США без учета местной специфики.

Отечественными первопроходцами осмысления истории Сибири в рамках фронтальной теории стали исследователи Томского государственного университета, по чьей инициативе на базе этого университета была создана Сибирская ассоциация американистов, давшая импульс к развитию концепции фронта в российской истории (Иванова, 2016).

Следует упомянуть и работы новосибирских ученых, посвященные сравнению специфики освоения Северной Америки и Сибири. Проблеме выделения общего и особенного в американском и сибирском фронтах посвящены работы историков А. Д. Агеева, Б. Н. Миронова, Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского и др. (Резун и др., 2001).

В рамках сибирского контекста фронта М.В. Шиловский выделяет три его эволюционных стадии: сначала возникает «внешний фронт», как первое столкновение разных по своему уровню цивилизаций; на смену «внешнему» приходит фронт «внутренний» — это происходит, когда фронтальные территории включаются непосредственно в состав государства. Пройдя через предыдущие стадии, фронт приобретает характер уже «внутрицивилизационного», связанного, в числе прочего, с появлением новой особой ментальности.

Следует отметить, что исследованиям первой половины 2000-х гг. присуща некоторая идеологическая направленность, связанная, по мнению самих же авторов, с либерализацией процесса как самих научных исследований, так и их политической и идеологической цензуры. Такой поворот может быть отчасти обусловлен кризисом марксистской методологии в отечественной науке в предшествующий период 1990-х гг. Все это не могло не привести к некоторому смещению акцентов и оценок объекта и предмета исследования: так, в работах иркутского историка А. Д. Агеева Сибирь представлена каторжным краем, «страной угрюмой и глухой», в то время как образы Сибири были довольно различными даже в исследуемый период (Шерстова, 2018). Однако исследование таких образов и их смыслов является темой отдельного и довольно перспективного направления.

Несмотря на почти буквальное сравнение Сибирского и Американского фронта в некоторых аспектах, исследования 2000-х гг. не только пробудили интерес к фронтальной проблематике в отечественной истории, но и заложили основы для поиска действительно уникальных черт фронта сибирского.

В деле собственного прочтения фронтальной концепции относительно отечественного материала следует отметить ярких представителей отечественной школы когнитивной географии в лице ученых географического факультета МГУ — Н. Ю. Замятину и А. Н. Пилясова.

Главная мысль Н. Ю. Замятиной — фронтир есть зона особых социальных условий, то есть территория, социальные и экономические процессы на которой определяются идущим процессом освоения. При этом важнейшим условием существования фронта выступает неустойчивая стабильность или равновесие, а главными факторами дестабилизации являются природная экстремальность и военно-политическая нестабильность. Таким образом, выдвинутая авторами идея о первостепенном влиянии пространственного фактора в тесной связи с социальными категориями представляется вполне обоснованной.

Еще одним новшеством, привнесенным Н. Ю. Замятиной, является применение фронтальной концепции не только к эпохе нового времени в целом, но и к советской эре в частности.

Немало обогатившись методологическим и концептуальным аппаратом, фронтальная теория и сегодня порождает множество дискуссий в отечественной академической среде. Все еще не существует единства мнений по вопросу применения как самой концепции фронта, так и термина «фронтир» к истории России и Сибири, а многообразие подходов, носящих междисциплинарный характер на стыке археологии, культурологии (Панарина, 2013), философии (Басалаева, 2012) и филологии (Макарова, 2022), позволяет говорить скорее о наличии авторских теорий и множестве классификаций фронта, нежели о единой концепции.

При этом концепт фронта в силу своей теоретической эластичности при правильном подходе способен давать интересные результаты, особенно в части новейшей истории — так, Р. В. Павлюкевичем и Н. В. Гониной были выявлены общие черты социально-демографического развития городов Сибири и Амазонии во второй половине XX в. (Павлюкевич и др., 2022).

В связи с вышесказанным представляется интересным рассмотреть образы индустриального фронта в области гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в советский период, сделав акцент на ряде аспектов, обобщенных вниманием в других исследованиях.

Основная часть

Как отмечает в своем исследовании В. А. Ильиных, к началу советской эпохи Западная и Восточная Сибирь уже прошли стадию постфронта, находясь в периоде вхождения в хартленд (Ильиных, 2022). Однако сам процесс освоения данной территории с присущими ему фронтными чертами продолжался.

Само рождение советского проекта подразумевало пересмотр старых и определение новых границ: государственных, географических, экономических, идеологических и т.д.

Одной из первоочередных задач, вставших перед советским государством, явилось преодоление технического отставания от западных стран – в первую очередь, от США. За полтора десятка лет необходимо было вдвое увеличить объем промышленной продукции. Для этого требовалось развитие старых и создание новых отраслей промышленности с энергоемкими производствами, что в свою очередь подразумевало создание энергетической системы, потребителями которой должны были стать крупные заводы и предприятия.

Разработка плана электрификации Советской России была поручена специально созданной Государственной комиссии по электрификации под руководством Г. М. Кржижановского. План ГОЭЛРО стал предтечей генерального плана развития народного хозяйства, из которого, в свою очередь, вышли уже пятилетние планы. Для реализации непосредственно плана ГОЭЛРО декретом СНК РСФСР от 22 февраля 1921 г. была создана Государственная общеплановая комиссия.

Для воплощения плана в жизнь необходимо было решить вопросы экономического районирования Советской России, в частности, выделения Сибири в отдельную административную единицу. В 1921 г. постановлением Сибревкома была создана Сибирская плановая комиссия (Сибплан) – в ее состав вошла комиссия по электрификации Сибири, а также статистическое отделение Сибпромбюро ВСНХ. Вскоре после этого, в 1925 г., взамен Омской, Томской, Алтайской, Иркутской, Ново-Николаевской и Енисейской губерний был образован новый Сибирский край, в связи с чем функции Сибплана были переданы в ведение Сибирской краевой плановой комиссии (Сибкрайплан), располагавшей своими отделениями в округах; на этой базе в 1930 г. были образованы Западно-Сибирская и Восточно-Сибирская краевые плановые комиссии.

Так начались первые изыскания и активные обсуждения перспектив использования природных ресурсов Восточной Сибири, в частности, гидроэнергетических. При этом энергетическое освоение новых территорий носило определенную идеологическую установку – несмотря на то, что примером в деле создания энергетической сети выступали США, советская энергетика подавалась в противоположном ключе: советская электрификация была

поставлена на службу трудовому народу и поэтому виделась борьбой «со всем буржуазным окружением» (Кржижановский, 1924).

В духе эпохи Просвещения с ее идеей о силе человеческого разума и способности с помощью него изменять существующую реальность и создавать новую, электрификация подавалась советскими идеологами 1920-х – 1930-х гг. как «единый фронт борьбы человека с природой» и как новая эпоха в истории человечества в целом. В ходе возведения промышленных гигантов советский человек заставлял природу и ее ресурсы работать на благо человечества, осушал болота, перекрывал реки или же поворачивал их вспять, утверждая себя не только в новых индустриальных границах, но и границах человеческих возможностей, воплощения идей и идеологий. Такая риторика будет сопровождать гидроэнергетическое освоение региона на всем периоде существования советского проекта.

Плановый характер советской экономики породил особого рода визионерство — «плановую реальность», которую футурист и популяризатор С. Третьяков в своей книге «Страна А-Е» описал как чувство «новое, нигде, кроме нас, в мире не существующее» <...> Раз мы решили, что завод будет, значит, он уже есть» (Третьяков, 1932).

В риторике о предстоящей индустриальной колонизации зоны сибирского фронта вплоть до 1930-х гг. буквально применялись термины «колонизация» и «колонисты». Характер освоенности молодого государства обозначался как «наше стихийное, далеко не закончившееся еще заселение Европейской и Азиатской России, <...> более или менее регулируемое переселение в Сибирь». Особо подчеркивалось, что «колонизация» Советской России в корне отличается от колонизации в западноевропейском понимании. Так, советская «колонизация» объяснялась в 1920-х гг. не как классическая эксплуатация колоний в интересах метрополии (каковой могла стать та же Сибирь по отношению к Центральной России). Советская «колонизация» противопоставляла себя как стихийному, так и «упорядоченному бегству «российского крестьянина под давлением земельного утеснения на Сибирский простор» (Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи, 1924, с. 169).

В представлениях 1920-х гг. советская «колонизация» подразумевала согласованную с общим планом государственного строительства СССР организацию новых хозяйств в малообжитых или вовсе необжитых регионах. Главной задачей при такой «колонизации» становилось устройство местного, сибирского населения, «как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации (использованию) природных богатств своего района». Народное хозяйство Сибири в таком варианте «колонизации» представлялось разработкой и использованием природных ресурсов через «посредство местного туземного населения».

Бытовавшее во времена Российской империи освоение Сибири путем изыскания и выделения площадей земельного фонда для переселения на него как можно большего количества российских крестьян была также отвергнуто. Теперь к каждому из экономических районов Сибири предполагалось найти особый подход, вытекающий из форм хозяйственного развития того или иного района, согласно плану, выработанному центральными и местными органами СССР.

Для реализации нового видения советской «колонизации» необходимо было решить ряд «колониционных задач»: изучить производительные силы необжитых районов, включая «туземного человека и его хозяйство», изыскать возможности по улучшению условий и производительности труда, а также жизни населения новых районов. Для более детального исследования экономических районов, без которого конкретизация проблемы колонизации Сибири была невозможна, предполагалось, в числе прочего, создание специального учреждения, например, Государственного Колонизационного Института (1924, с. 174).

В такой концепции советской «колонизации» были увязаны воедино промысловая, аграрная и индустриальная составляющие фронта — если первые две формы уже наличествовали в Восточной Сибири, то третью только предстояло создать. И на этой стадии государство вновь было вынуждено реагировать на вызовы времени, выраженные в потребности индустриализации страны. При этом продвижение фронтирменов в лице первых изыскательских партий для решения Ангаро-Енисейской проблемы в данном случае находилось в полном ведении советского государства и его плановых органов.

В тот же период происходит первая попытка смены образа фронтирной территории с маргинальной, окраинной на «страну неограниченных экономических возможностей» и «заколдованных пространств». Через эти попытки, а также феномен упомянутой выше «плановой реальности», можно проследить начало процесса создания репрезентационной инфраструктуры советского проекта в целом и гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в особенности. Под репрезентационной инфраструктурой подразумевается понимание инфраструктуры не только как реального, физического объекта, но и в качестве его образа, посредством которого локальные сообщества включаются в модернность. По мнению исследователей лаборатории исторической географии и регионалистики при Тюменском государственном университете, цель советского репрезентационного проекта некорректно сводить к одной лишь прямой агитации или мобилизации. Такой проект представляет собой, помимо прочего, одну из форм современного бустеризма: экспансионистской идеологии, характерной для условий форсированного создания новых территориальностей и направленной на формирование внутри них патриотических идентичностей, в частности, посредством произведений массовой культуры (Корандей, 2021).

Данный феномен в теоретической части достаточно полно раскрыт в работах вышеуказанных исследователей на примере Урала и Западной Сибири, поэтому авторы данной статьи ограничатся конкретными проявлениями создания репрезентационной структуры на территории Восточной Сибири.

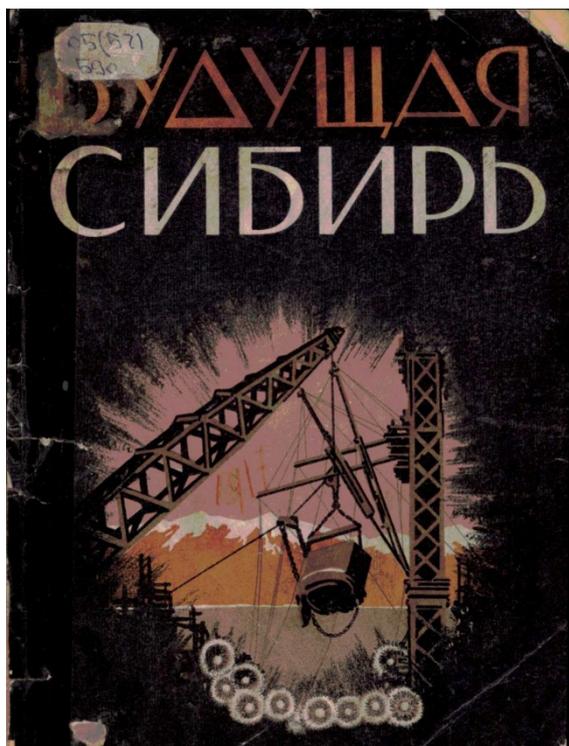

Рисунок 1. Обложка литературно-краеведческого иллюстрированного журнала «Будущая Сибирь», 1931

Figure 1. Cover of the literary and local history illustrated magazine "Future Siberia", 1931

Рисунок 2. Обложка журнала «На Советской стройке» (Орган оргкомитета ВЦИК Восточно-Сибирского края), 1930

Figure 2. Cover of the magazine "On Soviet Construction" (Organ of the Organising Committee of the All-Union Central Executive Committee of the East Siberian Territory), 1930

На страницах литературных журналов и газет поэты и писатели стремились противопоставить Сибирь ссыльную и Сибирь советскую. Особое место здесь занимают рассказы, посвященные тяжелому быту каторжников и ссыльных разных периодов российской истории — первопроходцев, горняков Лены и Витима, забайкальских партизан, сибирских крестьян, а также коренных народов: якутов, эвенков, ненцев, бурят и т.д. В случае автохтонов сюжетный мотив дополнялся образом Российской империи как «тюрьмы народов» (Шмаков, 1940, с. 230). Посредством историй «жизни, омытой слезами и кровью», литераторы стремились не только донести до читателя роль и место Сибири в истории России, в том числе Советской, но и показать через

величественные красоты сибирской природы и силу духа ее жителей преемственность поколений в деле борьбы за права и свободы для новой справедливой жизни. В корпусе произведений такого характера следует особо отметить поэтические циклы Ан. Ольхона «Большая Ангара» и «Далеко в стране Сибирской».

В печати также встречались прямые призывы покончить с «культурой старой Сибири», выражавшейся в жестокости к людям, различными злоупотреблениями и взяточничеством, а также уйти от самого образа ссыльного прошлого:

«Нужно прекратить клевету на «каторжный Байкал». Нужно говорить сейчас не о «каторжном Байкале» <...> Нужно говорить о другом Байкале, о том, который силами природы создан, как естественный резервуар мощнейшей энергетической базы Социалистического Союза. Нужно говорить о том Байкале, вокруг которого вырастет цветная и черная металлургия <...> Об этом Байкале будем думать, об этом Байкале будем заботиться» (Самойлов, 1931, с. 60).

Сибирь новую, советскую, стремительно индустриализирующуюся, воспевали поэт И. Молчанов-Сибирский, а также упомянутый ранее писатель С. Третьяков, популяризовавший изыскания энергетических ресурсов Восточной Сибири, а также проекты Малого и Большого Ангарстроя, предполагавшие строительство каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре. Визионерский характер имели не только литературные произведения, но и визуальное искусство. Обложки литературно-художественных журналов, чьи названия красноречиво отразили дух новых устремлений — «Будущая Сибирь», «Новая Сибирь», — изображали огни будущих строек среди непроходимой сибирской тайги (рис. 1), а также схему Большого и Малого Ангарстроя в окружении строительных кранов и вышек ЛЭП (рис. 2).

Здесь мы можем наблюдать репрезентацию Восточной Сибири в целом, как региона потенциально динамичного, где со временем обязательно появятся новые объекты промышленности и города. Притом о последних в 1920-е – 1930-е гг. практически не шло речи, так как создание крупных промышленных объектов виделось первоочередной задачей государственной важности.

Накопленные ко второй половине 1930-х гг. исследования позволили осуществить сводную проектную работу по технико-экономической гипотезе Ангарстроя и запланировать строительство энергетических гигантов на р. Ангара и р. Енисей. Однако реализация III пятилетнего плана была сорвана началом Великой Отечественной войны. К вопросу о возведении ангарских и енисейских каскадов ГЭС удалось вернуться только в V пятилетнем плане (Гайдин & Бурмакина, 2022).

Одновременно с этим государство берет курс на новое хозяйственное освоение Сибирского региона в целом и Красноярского края в частности. Планы нового освоения региона, подчинения богатых «диких» регионов

Сибири включали строительство мощных гидроэлектростанций, которые должны были стать источником дешевой электроэнергии для энергоемких производств, таких как металлургия, машиностроение, химическая промышленность и других (РГАЭ, 1957b, л. 3–4).

Взятый курс на освоение восточных районов СССР совпал с «оттепельными» тенденциями в культуре и искусстве — в новых произведениях были объединены некоторые из ключевых идейно-политических смыслов эпохи: частичный возврат к следованию ленинским заветам, устремленность к научно-техническому прогрессу и «поворот к человеку». Именно на этот период приходится создание Союза писателей РСФСР (1958), поэтический бум и появление «сурового стиля» в живописи.

Изобразительное искусство 1950-х – 1960-х гг. зафиксировало не только призыв и осуществление трудовых свершений, молодых рабочих и специалистов, панорамы строительства и ключевых этапов возведения ГЭС, но и содержало в себе целый ряд живописных работ, фиксирующих еще девственную природу зоны затопления строящихся ГЭС.

В таких работах художники, нередко сами являясь участниками стройки, пытались не просто отразить свое видение современных им реалий, но и осмыслить обновленный образ своей страны, обрести культурно-историческую идентичность. Литографии и картины С. Развозжаева, картины А. И. Шаталова, Н. Семенова, Н. Т. Сластенко представляют особую ценность, так как были написаны непосредственно с натуры. Сам характер этих произведений позволяет говорить о них как о некоем отсутствующем звене в цепи визуальных образов Сибири, вокруг которой в свое время не сумела сложиться фронтирная живопись, каковой стало когда-то творчество американских художников XIX – начала XX вв.: Альберт Биртштадт, Томас Моран и Томас Коул, сформировавших соответствующие художественные направления — «Школу Скалистых гор» и «Школу реки Гудзон».

В целом, образ индустриального фронта в послевоенный период продолжил линию репрезентации Сибири как сурового, но привлекательного края, где можно не только насладиться красотами природы, но и испытать свои личные качества, влившись в общее большое созидательное дело.

Оптимизм послевоенных строек особенно ярко проявился в репрезентации Братской ГЭС — именно при ее возведении впервые отказались от практики использования труда заключенных, а само строительство не носило характер «перековки». Новые гидроэлектростанции в Восточной Сибири строили, в основном, комсомольцы — молодые свободные люди.

В попытках найти себя в настоящем и ощутить сопричастность к предшественникам рождаются новые мотивы литературных произведений. В одном из них, при описании «диковой красоты» Приангарья, упоминается расположенный неподалеку Илимск, где отбывал ссылку А.Н. Радищев, улица в старом Братске, ведущая к уцелевшей башне острога, где когда-то сидел протопоп

Аввакум. В других литературных и поэтических произведениях можно увидеть, как гидростроители называют себя «потомками Ермака», «сподвижниками землепроходца Ерофея Хабарова», с полным правом ощущая себя «преемниками неутомимых предков, пионерами, первооткрывателями» (Полухин, 1958, с. 9). Встречаются пересечения и с американской историей – так, поэт И. Козюрин называет строителей Красноярской ГЭС и г. Дивногорска «Колумбами», вышедшими «на берег безлюдный» (Козюрин, 1963, с. 2).

По-прежнему важным мотивом в образе индустриального фронта являлся фронт и война. Но если в 1920-е – 1930-е гг., такая риторика была выражением общего предчувствия грядущей войны, каковой стала Вторая мировая война, то в послевоенный период фронт оставляет за собой только коннотацию «трудовой».

Однако совсем недавно окончившаяся Великая Отечественная война продолжала занимать важное место в репрезентационной инфраструктуре.

Определенное влияние имел социально-психологический фактор: детские годы комсомольцев-строителей сибирских ГЭС выпали на повоенный и послевоенный периоды, что сформировало их особое отношение к войне и подвигу. Комсомольцы 1950-х – 1960-х гг. были поколением, потерявшим на большой настоящей войне отцов и «опоздавшим» совершить свой подвиг. Сравняться или превзойти отцов-героев было невозможно, но это и подвигало молодых людей на поиск жизненных стратегий, наделенных четким смыслом, и ролевых моделей, направленных на совершение подвига, пусть не военного, но трудового.

Первостроители Братской, Красноярской, Усть-Илимской ГЭС вспоминают, что отдельной острой темой в комсомольской среде на стройке стояли понятия трусости и дезертирства, презираемые как в военное, так и в мирное время. Это помогало сглаживать конфликты внутри коллектива и преодолевать любые трудности, невзирая на условия и обстоятельства.

В отличие от классических американских фронтирменов или сибирских первопроходцев с присущим им индивидуализмом, новая общность первостроителей ГЭС в массе своей следовала идеям коллективизма. Многие из участников сибирских строек вспоминают об уникальном феномене: «Честность была поразительная. Чемоданов не закрывали, замков не знали. <...> За 6 лет ни одной кражи» (Енишерлов & Иванов, 1974, с. 52), «...что блок, что дружбу свою складывали» (1974, с. 105).

В сущности, строители сибирских ГЭС строили не только сами гидроэлектростанции, но и коммунизм, превосходя в отдельных аспектах общий уровень советского государства. Принимая во внимание особенность фронта как территории многогранных и интенсивных культурных контактов между пришлыми и аборигенными группами, следует отметить, что характер первостроителей как фронтирменов складывался по большей части

из контактов с природной средой и тяжелыми условиями труда, преодолеваемых совместными усилиями.

В силу специфики территории строительства гидроузла и отдаленности от нее многих населенных пунктов, контакты с местным населением были сведены к минимуму, что, однако, нашло свое отражение в искусстве, как в негативном, так и в позитивном ключе. Некоторые аспекты этой проблемы были затронуты в другом исследовании одного из авторов (Рябов, 2020).

В рамках уже упомянутого трудового фронта первостроителям предстояло вести бой с природой и ее силами. Возведение гидроэлектростанции предполагает перекрытие реки, что в случае с бурными и полноводными Ангарой и Енисеем являлось нетривиальной задачей, требующей сложного инженерного решения и такого же напряженного воплощения. Следует отметить, что подготовка покорения реки строилась на опыте работы ученых и специалистов, изучавших реку с 1902 г. И даже при этом признавалась сложность данной задачи (РГАЭ, 1957а, л. 7–9).

Перекрытие непокорных рек, как правило, подавалось в виде реальной схватки человека и природы, что нашло свое отражение в литературе и визуальном искусстве. Как и в реальной жизни, сюжеты произведений повторяли этапы перекрытия — изыскание места створа ГЭС, проведение взрывных работ для сооружения перемычки, титанический труд по возведению и наполнению опалубки в котловане первой очереди, строительство моста для перекрытия и, наконец, само перекрытие.

Сами образы рек связаны с их неукротимым нравом и нередко представлены в виде одушевленных персонажей. Так, в рассказе «Устим и Енисей» река предстает своенравным и «упертым» стариком, с которым человек заключил спор и обещал подарить свое горячее сердце. Прибывшие на место первостроители Красноярской ГЭС и Дивногорска бросают ему вызов, словно сказочному богатырю (Грек, 1963, с. 3). В другом стихотворении строители Братской ГЭС «скальным грузом» придавливают р. Ангаре «ее бунтующую грудь» (Твардовский, 1959, с. 6).

Важным мотивом как начального, так и конечного этапа строительства ГЭС являлась сама цель сооружения гидроэлектростанции, которая заключалась в использовании водной энергии для нужд трудового народа и построения коммунизма (РГАЭ, 1957а, л. 44–45). Об этом свидетельствуют многочисленные лозунги и призывы, размещаемые в стихотворных строках и газетных заголовках, на плакатах, а также диабазовых глыбах для перекрытия. Будучи обращенными не только к строителям, но и самим рекам, лозунги гласили: «Покорим тебя, Ангара», «Покорись, Енисей», «Ангаре — от Енисея», «В атаку на Енисей!», «Река! Мы сильнее тебя, потому что мы — советские люди!», «До встречи, Богучаны!». Весьма характерными для такой риторики являются строки из стихотворений А. Ольхона «Исток Ангары»: «Но я хочу,

чтоб твой разбег / Взнуздан упрямый человек, / Чтоб над окраиной земли / Сиянье радуги зажгли» (Ольхон, 1956, с. 5–6), А. Жамбалона: «И наступит такая пора – / Преградим твои бурные воды, / Твою силу возьмем, Ангара, / Ради мира, для счастья народа!» (Жамбалон, 1955), а также И. Трофимова: «Ты веками катил свои воды / Эту дань для полярных морей / Мы заставим тебя поработать, / Непокорный седой Енисей!» (Трофимов, 1963, с. 4).

Тематика войны, битвы, штурма, схватки присутствует на стройке повсеместно. Так, поэт И. Луговской сравнивает мачты ЛЭП с опытными разведчиками, хлопки снарядов машин с пушечными залпами, а мирный труд строителей Братской ГЭС называет «фронтом». Фронтальная риторика прослеживается также в следующих строках: «Но, как солдат, блюдя присягу, / Волне седой наперерез, / Отбив атаку, шел в атаку / Строитель величайшей ГЭС. <...> Это бой был настоящий, / Но радостный и светлый бой!» (Луговской, 1959). Поэт В. Конев в своем стихотворении «Два боя» отсылает к боям на Ангаре в годы Гражданской войны, возвращаясь к тем боям, что ведут теперь на трудовом фронте строители Иркутской ГЭС (Конев, 1955). В газетном очерке «На подступах к штурму» организация строительства Красноярской ГЭС описывается как «огромная армия гидростроителей», решительно двинувшаяся «на штурм великой реки Сибири». Начальник штаба А. Е. Бочкин представляется фигурой главнокомандующего, приводящего в движение большое наступление на фронте. Подчеркивается, что оперативное руководство и деловое общение с людьми сплачивает отдельные «полки» в крепкую и единую армию, вдохновляет ее на новые трудовые подвиги. Гидростроители, вышедшие 25 января 1963 г. на последнюю схватку с Енисеем, названы «солдатами». (На подступах к штурму, 1963, с. 1). Уже в другой заметке, посвященной строительству Усть-Илимской ГЭС, бульдозеры, работающие на перекрытии Ангары, уподобляются танкам (Волков, 1982, с. 86).

Взрывные работы как неотъемлемая часть процесса строительства ГЭС также занимают особое место в литературных и визуальных образах. В ангарском цикле стихов Я. Шерлаимова упомянуты все те, «...Кого всечасно оглушала / Волна взрывная аммонала» (Шерлаимов, 1961, с. 4). Подчеркивается, однако, исключительно мирный характер этих взрывов. В документальном фильме «Битва у Падуна» (1959), отражающем второе перекрытие р. Ангары 19 июня 1959 г., нарратив борьбы, сражения и покорения представлен в виде рифмующихся кадров взрывов сначала диабазовых скал, затем ледяного покрова, сковывающего Ангару во время первого перекрытия, и, наконец, взрывов брызг от падающих в бурный поток диабазовых глыб.

Грандиозный масштаб строительства ГЭС Восточной Сибири также широко представлен в массовой культуре. Визуальными примерами могут служить плакаты работ В. Трухачева, Е. Гундобина и В. Добровольского, объединяющим сюжетом которых служит исполинских размеров гидрострой-

тель, преграждающий гидроэлектростанцией или каменной глыбой путь сибирским рекам.

Особое место в образах индустриального фронта Восточной Сибири занимает связанное со строительством ГЭС затопление множества населенных пунктов, переселение из них населения и перенос строений из зон затопления. Эта тема являлась особенно острой для автохтонного населения множества сибирских деревень, чей уклад был навсегда изменен новыми условиями и перемещением их в новую и непривычную городскую среду.

В репрезентационной инфраструктуре гидроэнергетического освоения Восточной Сибири острые углы данного аспекта были максимально сглажены в образах 1950-х – 1960-х гг. — затоплению старых территорий был придан жизнеутверждающий оттенок, выражающийся в службе реки народу и рождению новых «морей» и городов. Такая риторика хорошо заметна в стихотворении И. Луговского — автор, пытаясь утешить подлежащие затоплению деревню Кузьмиха и Куликовы острова, говорит им: «Ты не плачь! Мы добры и щедры, / И у новой большой Ангары / Будут новые острова / И твоя, куликова трава... / Только Ангаре будет заданье другое: / Плавить сталь, освещать города / И в глубоком и ясном покое / Гнать волною морские суда!» (Луговской, 1956).

Однако в последующий период 1970-х – 1980-х гг. под воздействием смены экологического дискурса риторика будет смещена в более негативную сторону. Более подробно этот аспект рассмотрен в другой уже упомянутой работе одного из авторов данной статьи (Рябов, 2020).

Следует отметить и еще одну важную сторону гидроэнергетического и промышленного освоения Восточной Сибири — появление молодых индустриальных городов, задававших новые условия жизни как для старожилов, так и для новоселов. Такие города имеют свой особый, отличный от других городов, характер и специфику, но общий для городов, построенных при крупных восточносибирских ГЭС. Проектирование таких городов обычно поручалось той же организации, которая разрабатывала проект гидроузла. Так, планированием Братской ГЭС и г. Братска занималось Московское отделение института «Гидроэнергопроект» (МосГИДЭП), а Красноярской ГЭС и г. Дивногорска — ЛенГИДЭП (РГАЭ, 1962–1968, л. 14–15). Изначально такие города возникали как рабочие поселки строителей гидроэлектростанции, получая по завершению строительства новый профиль и градообразующую базу. Сложность при создании таких городов заключается в наличии, как правило, нескольких временных поселений вблизи мест приложения труда и необходимости в короткие сроки расселить десятки тысяч людей в условиях отсутствия строительной базы и дорог в районе гидросооружения. Особенно остро эта проблема встала при создании г. Братска (Ангарский каскад).

Братск стал конгломератом девяти жилых районов, по сути, бывших рабочих поселков близ строившейся Братской ГЭС и других промышленных

предприятий: Гидростроитель, Энергетик, Падун, Осиновка, «Братское море», Чекановский, Строителей, Порожский район и центральная часть города. Этапы строительства г. Братска — палаточный городок, поселки с деревянными домами и, наконец, каменное и индустриальное строительство — наложили своеобразный отпечаток и на внешний облик города. В городской структуре Братска сочетаются как деревянные, так и железобетонные панельные здания, придавая городу своеобразный облик (Ангарский каскад).

В силу того, что сами ГЭС, чьи архитектурные решения предусматривали определенную «вписанность» в «героический» ландшафт, вносили элементы «организованности, ритмичности, индустриальности» (Ковалев, 1975, с. 28–48), особое внимание уделялось и целесообразному зонированию территории прилегающих городов с полноценным использованием природных особенностей — тайги, искусственного моря и гористого рельефа.

Все это характерно и для г. Дивногорска. При его строительстве были сохранены крупные массивы тайги в качестве общегородских парков. Примечательна также застройка нижних террас города, созданных на площадке с весьма сложным рельефом и крайне неблагоприятными инженерно-геологическими условиями. О дикости и привлекательности местной природы прямо говорилось даже в официальных документах эпохи. Так, в конце 1970-х гг. коллектив Министерства энергетики и электрификации СССР был номинирован на премию Совета министров СССР за строительство нижних террас г. Дивногорска, города покорителей Енисея — в частности, за то, что им удалось покорить сложный рельеф будущего города, при этом «сохранив природу, не нарушив ее гармонию» (РГАЭ, 1962–1968, л. 161).

Примечательно, что репрезентационная инфраструктура гидроэнергетического освоения Восточной Сибири в данном случае «подавалась» через место его реализации, и в этом вновь можно наблюдать отголоски «плановой реальности». Задолго до собственно организованного городского строительства согласно плану, поэты и писатели воспевали красоту территории гидроузла и рабочего поселка, называя его Городом будущего, Городом молодости, Городом романтиков, описывая дома, улицы и кварталы воображаемого будущего города.

Абсолютно в духе времени выглядит начало одного из газетных очерков о г. Дивногорске: «Нам хочется рассказать о городе, которого нет на географических картах. Но он уже... Впрочем, лучше по порядку» (Явшиц и др., 1963, с. 2). Само название г. Дивногорска также искусственное, отсылающее к географии места — в отличие от г. Братска оставить историческое название п. Скит не представлялось возможным в силу идеологических причин (ГАРФ, 1957, л. 2).

Город, на любой из стадий его формирования, воспринимался первостроителями как истинно свой, к чьей судьбе невозможно остаться равнодушным: «Неотглаженный и горластый, / Работящий и гулевой, / Между сопок и скал клыкастых / Дерзко втиснулся город мой. / Просмоленный,

таежный, бревенчатый, молодежный, многоступенчатый... / Свой! / Своими руками рубленый» (Белкин, 1963, с. 3).

При этом молодость города подтверждалась и практикой – в 1970 г. средний возраст местного населения был ниже, чем по стране, а доля детей выше (РГАЭ, 1962–1968, л. 107). Это также связывало Дивногорск с классическим фронтиром, местом для людей молодых и активных, у которых были силы и стремление покорить «дикаря», даже если этот дикарь был природой.

Нередко светлые литературные образы находились в прямом противоречии с реальностью: жилищное строительство, связанное со строительством Красноярской ГЭС, было начато в 1955 г. без утвержденного проектного задания на само строительство ГЭС, в условиях отсутствия генерального плана поселка. К 1961 г. хаотичная застройка одноэтажными щитовыми и брусчатыми домами привела к ситуации, в которой требовалось приложить значительные усилия для создания по-настоящему удобного и красивого города, что, впрочем, удалось реализовать в дальнейшем [РГАЭ, 1962–1968, л. 17).

Заключение

В общем и целом, создание крупной промышленной базы на территории Восточной Сибири стало главным итогом сибирского движения фронта, где соединились самые разные его составляющие – экономические, социально-политические, демографические, географические и т. д. При этом освоение новой территории подавалось государством и практически на протяжении всего периода существования советского проекта воспринималось трудящимися не столько как завоевательное, сколько в высшей степени преобразовательное начинание, поставленное на служение советской стране, ее народу, человеку и человечеству в целом. Благодаря строительству официальной репрезентационной инфраструктуры удалось решить целый ряд важных задач: мобилизовать кадры на сибирские стройки, создать привлекательный образ Восточной Сибири, дать мощный импульс к ее урбанизации, а также полностью включить регион в жизнь советского государства и общества.

Не претендуя на полноту исследования, можно подвести промежуточный итог. Специфика советского проекта не позволяет оперировать концептами, восходящими в предшествующим эпохам, несмотря на кажущееся сходство конкретно-исторических черт фронта в рамках гидроэнергетического освоения Восточной Сибири, таких как неравная численность фронтирующих групп, изначальная гендерная диспропорция в доминантной фронтирной группе, квазиграничность. Ряд неотъемлемых черт классического фронта в данном случае отсутствует вовсе: «окраинный» образ Сибири был преодолен, взаимодействие фронтирующих групп не было только конфликтным, характер государственной власти в регионах строительства ГЭС был отнюдь не номи-

нальным и т. д. При этом наличествуют и уникальные, специфические черты, отмеченные в разных частях данного исследования.

Как уже отмечалось, территория Восточной Сибири к началу ее гидро-энергетического освоения уже успела пройти три стадии фронта, ступив на путь от постфронта к хартленду — хотя характер освоения ее территории все еще носил некоторые черты, присущие фронтиру. Однако на данном этапе прослеживается коренное отличие от классического фронта, в том числе в североамериканском варианте. Освоение Сибири в советский период с 1920-х по 1980-е гг. неизменно носило характер борьбы человека с природой — роль «дикаря» здесь выполняли не инородцы, иноверцы, автохтоны, старожилы и не люди в принципе, «дикарем» являлась сама сибирская природа, которую и предстояло обуздать и поставить на службу человечеству.

Это предопределило и особую ментальность сибирских гидро- и градостроителей — новый советский человек никогда не нес «бремя белого человека» и присущего американским пионерам выраженного преобладания индивидуализма над коллективизмом. Отвоевывая у природы ее ресурсы, строители сибирских ГЭС и молодых городов утверждались в новых границах нового индустриального региона и его реальности как через коллективное — совместный труд, взаимопомощь, служение народу — так и через личностно-индивидуальное, посредством преодоления собственных трудностей, оказавшись перед ними лицом к лицу в новых условиях трудового коллектива и неосвоенной природы. В результате формировался не «белый господин», а победитель природы, «творец жизни», «хозяин земли и ее умный врачеватель» (Довженко, с. 625), из преобразовательской деятельности вышел «бессмертный, счастливый человек» (Довженко, с. 272), преодолевший в определенном смысле границы самой жизни, сумевший создать монументальные сооружения, сопоставимые с древними чудесами света, увековечив свой трудовой подвиг.

Такой дискурс стал возможным благодаря своеобразному синтезу личного и государственного, в том числе поставленных руководством страны задач, решенных с помощью создания и применения официальной репрезентационной инфраструктуры.

Данное исследование в очередной раз показывает перспективность фронтальной концепции, а потому требуется дальнейшее осмысление советского проекта, в том числе в его собственных терминах — например, в рамках концепта «освоения», рассмотренного Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова (Замятина & Пилясов, 2018). Позитивный опыт конференций, посвященных проблемам фронтальных исследований (Сентябова & Рябов, 2022), также демонстрирует множество возможностей для применения фронтальной концепции, позволяющей выявить новые разноуровневые взаимосвязи как внутри, так и между различными этапами отечественной истории, изучив, поняв и приняв ее в как можно большей полноте.

Благодарности

Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644.

Список литературы

- Басалаева, И. П. (2012). Критерии фронта: К постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*, 2, 46–49.
- Белкин, В. (1963). Город—Мой! *Огни Енисея*, 23(477).
- Волков, Н. (1982). Решающий штурм. В *Усть-Илим продолжается* (с. 86–92). б. и.
- Гайдин, С. Т., & Бурмакина, Г. А. (2022). Красноярский край—Территория фронтирного освоения. *Гришаевские чтения: Материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева*, 99–106.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (1957). Ф. 385. Оп. 17. Д. 3136.
- Грек, О. (1963). Устим и Енисей. *Огни Енисея*, 16(470).
- Довженко, А. П. (1968). *Собрание сочинений*. Искусство.
- Енишерлов, В., & Иванов, Д. (1974). *Это было на Ангаре*. Молодая гвардия.
- Жамбалон, А. (1955). Ангара. *Свет над Байкалом*, 1, 86.
- Замятина, Н. Ю., & Пилясов, А. Н. (2018). Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: Полимасштабный междисциплинарный синтез. *Арктика и Север*, 31, 5–27. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
- Зубков, К. И. (2018). Фронт как исследовательская парадигма. *Уральский исторический вестник*, 4, 63–71. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71)
- Иванова, Л. М. (2016). Сибирский фронт: Изучение вопроса в отечественной исторической науке. *Вестник Томского государственного университета*, 410, 72–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Ильиных, В. А. (2022). Аграрное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: От постфронта к хартленду. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365>
- Ковалев, А. Я. (1975). *Ангарский каскад*. Стройиздат.
- Козюрин, И. (1963). Все было просто. *Огни Енисея*, 12(486).
- Конев, В. (1955). Два боя. *Восточно-Сибирская правда*, 6(11), 3.
- Корандей, Ф. С. (2021). Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь. *Уральский исторический вестник*, 73(4), 115–124. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-115-124](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-115-124)
- Кржижановский, Г. М. (1924). Электрификация и плановое хозяйство. *Плановое хозяйство*. *Бюллетени Госплана СССР*, 4–5, 3–10.
- Луговской, Инн. (1956). Где Кузьмиха, где Кузьмиха, Куликовы острова. В *Утро Ангары. Стихи* (с. 20–23). б. и.

- Луговской, Инн. (1959). Радостный бой. Ангара. Ангара. *Литературно-художественный и общественно-политический альманах*, 3(44), 10.
- Макарова, Е. А. (2022). Сюжет “sibirica” в литературной и художественной трансформации (к истории одной полемики). *Вестник Томского государственного университета*, 47, 83-95. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/7>
- На подступах к штурму. (1963). *Огни Енисея*, 23(477).
- Ольхон, А. (1956). Исток Ангары. В *Первая на Ангаре. Очерки и стихи* (с. 5–6). б. и.
- Павлюкевич, Р. В., Гониная, Н. В., & Смирнова, Е. В. (2022). Возможности использования компаративного анализа в исследовании социально-демографического развития городов Сибири и Амазонии во 2-й половине XX в. *Журнал Фронтальных Исследований*, 7(4), 59–75. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.387>
- Панарина, Д. С. (2013). Мифы и образы сибирского фронта. *Культурная и гуманитарная география*, 2(1), 39–52.
- Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи. (1924). *Бюллетени Госплана*, 1–2, 160–178.
- Полухин, Ю. (1958). Коммунистическая бригада. Ангара. *Литературно-художественный и общественно-политический альманах*, 1(38), 4–28.
- Резун, Д. Я., Ламин, В. А., Мамсик, Т. С., & Шиловский, М. В. (2001). *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: Общее и особенное*. ИДМИ.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1957а). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 311.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1957б). Ф. 4372. Оп. 56. Д. 325.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). (1962–1968). Ф. 5. Оп. 5. Д. 49.
- Рябов, Ю. В. (2020). Образы затопления населенных пунктов водохранилищем ГЭС в литературных текстах советского периода как отражение исторической эпохи. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, 3, 116–122. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-116-122>
- Самойлов, Л. (1931). Электрическое солнце социализма. *Будущая Сибирь. Литературно-краеведческий иллюстрированный ежемесячный журнал*, 1, 54–66.
- Сентябова, М. В., & Рябов, Ю. В. (2022). Историческая наука о пространствах сибирского фронта. *Журнал Фронтальных Исследований*, 7(4), 15–23. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383>
- Твардовский, А. (1963). У Падуна. Ангара. *Литературно-художественный и общественно-политический альманах*, 3(44), 6–18.
- Третьяков, С. (1932). *Страна А-Е. Молодая гвардия*.
- Трофимов, И. (1963). Енисей. *Огни Енисея*, 15(469).
- Шерлаимов, Я. (1961). Высокая отметка. *Огни Ангары*, 78(602).
- Шерстова, Л. И. (2018). Концепция фронта и освоение русскими Сибири. *Вестник Томского государственного университета*, 426, 217–222. <https://doi.org/10.17223/15617793/426/26>
- Шмаков, А. (1940). Творчество поэта Ан. Ольхона. *Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах Иркутского отделения Союза советских писателей СССР*, 6, 229–247.
- Явщиц, В., Ткачук, М., & Парашук, А. (1963). Дивногорск—Город будущего. *Огни Енисея*, 28(482).

References

- Basalaeva, I. P. (2012). Criteria for Frontier: Statement of the Problem. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 46–49.
- Belkin, V. (1963). Gorod—Moj! *Ogni Eniseja*, 23(477).
- Dovzhenko, A. P. (1968). *Sobranie sochinenij. Iskusstvo*.
- Enisherlov, V., & Ivanov, D. (1974). *Eto bylo na Angare. Molodaja gvardija*.
- Gaidin, S. T., & Burmakina, G. A. (2022). Krasnoyarsk Krai – The Territory of Frontier Development. *Grishaevskie chtenija: Materialy IV nacional'noj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati doktora istoricheskikh nauk, professora, zaslužennogo rabotnika vysshej shkoly Vasilija Vasil'evicha Grishaeva*, 99–106.
- Grech, O. (1963). Ustim i Enisej. *Ogni Eniseja*, 16(470).
- Ilinykh, V. A. (2022). The Agrarian Development of Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 24–41. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.365>
- Ivanova, L. M. (2016). The Siberian Frontier: The Study of the Issue in the Russian Historical Science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 410, 72–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/410/11>
- Konev, V. (1955). Dva boya. *Vostochno-Sibirskaya pravda*, 6(11), 3.
- Korandey, F. S. (2021). Representation Infrastructure of the Late Soviet Boosterism: Urals and Western Siberia. *Ural Historical Journal*, 73(4), 115–124. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4\(73\)-115-124](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-4(73)-115-124)
- Kovalev, A. Ya. (1975). *Angarskiy kaskad. Stroyizdat*.
- Kozyurin, I. (1963). Vse bylo prosto. *Ogni Eniseya*, 12(486).
- Krzhizhanovskiy, G. M. (1924). Elektrifikatsiya i planovoe khozyaystvo. *Planovoe khozyaystvo. Byulleteni Gosplana SSSR*, 4–5, 3–10.
- Lugovskoy, Inn. (1956). Gde Kuz'mikha, gde Kuz'mikha, Kulikovy ostrova. In *Utro Angary. Stikhi* (pp. 20–23). n. p.
- Lugovskoy, Inn. (1959). Radostnyy boy. *Angara. Angara. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 3(44), 10.
- Makarova, E. A. (2022). The “sibirica” plot in literary and artistic transformation (on the history of one controversy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 47, 83–95. <https://doi.org/10.17223/22220836/47/7>
- Na podstupakh k shturmu. (1963). *Ogni Eniseya*, 23(477).
- Ol'khon, A. (1956). Istok Angary. In *Pervaya na Angare. Ocherki i stikhi* (pp. 5–6). n. p.
- Panarina, D. S. (2013). Myths and images of the Siberian frontier. *Cultural Geography & Geohumanities*, 2(1), 39–52.
- Pavlyukevich, R. V., Gonina, N. V., & Sminova, E. V. (2022). A Comparative Analysis of the Socio-Demographic Development of the Cities in Siberia and Amazonia in the second half of the 20th century. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 59–75. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.387>
- Polozhenie glavnykh otrasley narodno-khozyaystvennoy zhizni Sibiri i blizhayshie ee zadachi. (1924). *Byulleteni Gosplana*, 1–2, 160–178.
- Polukhin, Yu. (1958). Kommunisticheskaya brigada. *Angara. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 1(38), 4–28.

- Rezun, D. Ya., Lamin, V. A., Mamsik, T. S., & Shilovskiy, M. V. (2001). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII – XX vv.: Obshchee i osobennoe*. IDMI.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1957a). F. 4372. In. 56. C. 311.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1957b). F. 4372. In. 56. C. 325.
- Russian State Archive of Economics (RSAE). (1962–1968). F. 5. In. 5. C. 49.
- Ryabov, Yu. V. (2020). Description of flooding the settlements, laid in the reservoir bed of the hydro-electric power plant, in the literary texts of the Soviet period as a reflection of the historical era. *Issues of Social–Economic development of Siberia*, 3, 116–122.
<https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-116-122>
- Samoylov, L. (1931). Elektricheskoe solntse sotsializma. *Budushchaya Sibir'. Literaturno-kraevedcheskiy illyustrirovanny ezhemesyachnyy zhurnal*, 1, 54–66.
- Sentyabova, M. V., & Ryabov, Yu. V. (2022). The Historical Studies of the Spaces of the Siberian Frontier. *Journal of Frontier Studies*, 7(4), 15–23. <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i4.383>
- Sherlaimov, Ya. (1961). Vysokaya otmetka. *Ogni Angary*, 78(602).
- Sherstova, L. I. (2018). The Concept of the Frontier and the Russian Development of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 426, 217–222.
<https://doi.org/10.17223/15617793/426/26>
- Shmakov, A. (1940). Tvorchestvo poeta An. Ol'khona. *Novaya Sibir'. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh Irkutskogo otdeleniya Soyuza sovetskikh pisateley SSSR*, 6, 229–247.
- State Archive of the Russian Federation (SARF). (1957). F. 385. In. 17. C. 3136.
- Tret'yakov, S. (1932). *Strana A-E. Molodaya gvardiya*.
- Trofimov, I. (1963). Enisey. *Ogni Eniseya*, 15(469).
- Tvardovskiy, A. (1963). U Paduna. *Angara. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh*, 3(44), 6–18.
- Volkov, N. (1982). Reshajushhij shturm. In *Ust'-Ilim prodolzhaetsja* (pp. 86–92). n. p.
- Yavshits, V., Tkachuk, M., & Parashchuk, A. (1963). Divnogorsk–Gorod budushchego. *Ogni Eniseya*, 28(482).
- Zamyatina, N. Yu., & Pilyasov, A. N. (2018). The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis. *Arctic and North*, 31, 5–27.
<https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2018.31.5>
- Zhambalon, A. (1955). *Angara. Svet nad Baykalom*, 1, 86.
- Zubkov, K. I. (2018). Frontier as a Research Paradigm. *Ural Historical Journal*, 4, 63–71.
[https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4\(61\)-63-71](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71)